Лит. газ, 1983, 3 авг, № 35

ТВ

ЛИЦОМ К ТЕЛЕВИЗОРУ

Тбилисцы перед голубым экраном ● Футбол: как поймать передачу на улице ● «Вести за собой» или «идти на поводу»?

Лидия ПОЛЬСКАЯ

Как часто писали о непременных атрибутах телезрителя: кресло, чашки, домашние тапочки... Кажется, нарисуй только их — и вот он перед нами, образ терпеливого зрителя; так узнаем мы Чарли Чаплина по котелку, усикам и тросточке... Но разве редко бывает, что чай пьют, сидя спиной к телевизору, изредка скашивая глаза на диктора: что там обещают дальше? И опять — спиной. «Ящик» не обидится, актер не уйдет, не доиграв, ученый завершит рассказ о своих исследованиях. Так знаменитый телевизионный «эффект присутствия» заключается лишь в присутствии телевизионного приемника.

Но задача ведь не в том, чтобы телевизор был включен, а в том, чтобы сидели к нему лицом. Телевизор существует, только когда его смотрят. И без зрителя он не живет — как театр или кино... Разве что труднее определить, сколько их, зрителей... И можно обманчиво самоуспокоиться, подсчитывая количество купленных или просто включенных телевизоров. Ах, если бы эта цифра отражала величину «зрительного зала» ТВ!

Посмотрим же, как стараются сформировать свой «телезал» на телевидении Грузии.

Тбилисское «Динамо» играло важный матч, трибуны, как водится, были полны, и у закрытых ворот стадиона стояли те, кому не повезло с билетом. Они «ловили» матч со слуха, и комментировали его, и спорили, отчаянно жестикулируя. Говорят, что картинка для Тбилиси привычная. Так бы эти крикуны и разошлись, не познакомившись, если бы случайно не оказался рядом человек с тбилисского телевидения. «Кричат вовсю, а никто их не слышит, — подумал он, — посадить бы их перед камерой — пусть говорят для всех, про футбол каждый послушает»...

Здесь мы привычно ожидаем такого продолжения: на следующий день этот человек (скажем, один из руководителей телевидения Грузии) посоветовался с коллегами, затем решено было организовать передачу о футболе; потом... и т. д.

Ничуть не бывало! События развивались иначе и несколько непривычно. Зачем тянуть! Вот же они — участники передачи. Через час болельщики сидели перед телекамерой и спорили так же яростно, как у стадиона. Некоторое время спустя запись пустили в эфир. Теперь это уже была телепередача. Так в Тбилиси образовался телеклуб любителей футбола, его президентом избрали Давида Кипиани.

В этой истории многое умещается. Она не только про футбол.

Я представляю, как незримый оппонент, из тех, что часто мнятся критику, восклицает: «Поймать передачу на улице! Случайность, исключение! Вот если бы такое...» Да, спешу ответить я, так бывало не раз, что передачи грузинского телевидения рождались на месте, на улице. Если хотите, назовем это особенностью «телевизионного мышления» — попытку в любом событии увидеть пригодное для телевидения, то есть общеинтересное.

Эта способность рождается, когда «телевизионщик» знает спрос телезрителя. Грубое это слово — «спрос», нелюбимое. Что с ним делать? И на поводу у него тащиться не следует — кто знает, что принесет с собой его «мутная река» и пренебрегать им невозможно. Куда приятнее для слуха смягченный вариант — «пожелания телезрителей», которые, как ни глянешь, всегда вроде бы уже и исполнены. Очень нетрудно составлять «концерты по заявкам» (сначала — классика, потом — фольклор, «на третье» — скромный эстрадный номер), считая их едва ли не единственной и крепчайшей «двусторонней связью». Гораздо сложнее, заглядывая вперед, предугадать, что сможет прожить на телеэкране несколько лет, что надо сейчас и сегодняшнему зрителю.

А телезрителю хочется — да еще и в подробностях — посмотреть, как радуется Тушетия первому телевизору. Репортаж появляется на телеэкране через несколько дней: здесь главное — быстро. А ему надоело однообразие концертов — и приходится придумывать концерт-спектакль, «Вечернюю серенаду» например: здесь главное — сделать зрелище зрелищем, пусть оно и не во всем удалось.

Нет стены между передачами развлекательными и самыми что ни на есть серьезными — есть телевидение, нечто целое, организм. И те принципы, по которым строится передача публицистическая, неминуемо отражаются—хоть косвенно! — в любой программе досуга. Если там лакируют — и здесь будет скука мертвецкая. Там держатся на анонимных обвинениях, на критике, выпущенной по адресу «некоторых явлений»,—и здесь, на встрече артистов со зрителями, перед нами будет сидеть запоздало и слабо реагирующая на шутки конферансье масса.

В том, что тбилисское телевидение показывает в «дорогие» часы досуга, — продолжение острых, оперативных и как будто ненавидящих анонимность передач публицистов, о которых писала «ЛГ» (№ 50, 1982 г.). Да разве приглашение болельщиков на телевидение не было отчасти стремлением «разложить» анонимную группу на собрание индивидуальностей, представить всех по именам?

А вот еще пример того, как грузинское телевидение помогает «обрести имена», используя интересную форму, здесь же, в Тбилиси, рожденную. По субботам идет передача «Пять минут поэзии». Она выходит в эфир пять, шесть, семь раз за день — как фильм, разбитый на серии. В одну субботу — стихи грузинского поэта, в другую — стихи о Тбилиси, в третью — Пушкин... Пять минут — время почти невесомое в телевизионной сетке. Подчас, мы знаем, какая-нибудь розочка с веточкой качаются перед нашими глазами не меньше. Но те же минуты — если, как в Тбилиси, научиться их считать и взвешивать, — это глоток поэзии. А вместе они — пятью пять, пятью шесть — большая передача, для которой придумана форма, себя не навязывающая, но очень хитрая: поэзия как бы «улавливает» зрителя на ходу и приучает к себе. Эксперимент с поэзией получился. Потом в Тбилиси захотели сделать такого же типа передачу о художниках: «Много молодых художников. Пока не выставляются, не успели. Почему если молодой, то обязательно неизвестный? А телевидение для чего? Наше дело их показать, пусть **все знают**». И уже существует «Воскресная выставка».

За прошлый год по ТВ прошло четыре концерта камерного оркестра под управлением Лианы Исакадзе. Много, что и говорить. Но не для телевидения Тбилиси, которое старается все интересное «держать при себе». И вот оператор отправляется вместе с оркестром на гастроли по скандинавским странам, и появляется в результате передача, вроде бы «необязательная» и вроде бы не о музыке. Скорее, о тех странах, где побывал оркестр. Авторов интересовало не то, что и как он исполнял, а как прошли гастроли. Музыка завершала рассказ, но, думаю, никто не обиделся, что как-то неканонически (против всех привычных «правил» передач «о музыкальной жизни»!) сместилось внимание — от самой музыки к жизни музыкантов. Телевидение позволило себе такую особую, неспешную «роскошь общения», которая возникает лишь при близком знакомстве.

Соединяя тбилисские программы одну с другой, начинаешь понимать, что впечатление «близкого знакомства» не случайно, что здесь действует некий телевизионный «принцип дополнения», при котором пропуск какого-нибудь события или краткое извещение о нем стали бы обидой, упущением. Телезритель в Грузии привык к тому, что ему обстоятельно, не комкая, рассказывают обо всем, что творится вокруг.

Наверное, «двусторонняя связь» — при которой телевидение смотрит в глаза своему зрителю, но и он не отворачивается за очередным бубликом — состоит не в наличии концертов «По вашим заявкам, друзья!». Она в том уровне отношений, при которых телевидение исполняет свои обещания, поддерживая качество передач, а зритель телевидению доверяет, знает, что ТВ не пропустит важного, не забудет о жажде телезрителя видеть и слышать все.

«Я беру свое добро там, где нахожу его» — мольеровская фраза как будто про телевидение сказана! Оно должно искать повсюду, поскольку неизвестно, где «телевизионщик» найдет «свою» передачу. Об одной из них мне сказали: «У нас в Тбилиси свадьбы останавливают, когда она идет!» Такую отыскать и сделать, конечно, трудно, но вот желание «зацепить» зрителя, усадить его перед телевизором, подчинить чувствовалось почти во всех передачах.

Несколько лет назад в новогодние дни вышла программа «Для любителей серьезной музыки», в которой мим Пьеро, обращаясь к тряпичной кукле, голосом Тито Скипы запел «О, Коломбина!..» — и полетело, перемешиваясь, пересмеиваясь, серьезное и смешное, игра и строгое искусство. С тех пор новогодние программы без этого концерта не обходятся, и академическое название никого не вводит в заблуждение... Телезритель жаден до нового, свежего материала, но можно пойти и от обратного, — сколько прелести в повторении, в напоминании! Отрывки из старых фильмов смонтированы в кинофантазии «Старый Тбилиси». Как предвкушаются зрителями знакомые кадры — как будто сокровища из древнего сундука вынули и показали: любуйтесь! «Посмотрите, это же молодой Закариадзе — сейчас он стихи читать начнет!..» «Здесь Медея Джапаридзе должна на балкон выйти! Не отвлекайтесь, где еще такое увидите!» Казалось бы, какая нехитрая выдумка: смонтировать самые лакомые кусочки из любимых фильмов, прибавить старую кронику и фотографии. Но ведь она, эта выдумка, начинает прекрасно «работать».

«Держать зрителя!» — заклинание режиссера, не забывающего про относительную свободу зрителя в своем доме. Я не имею в виду неразборчивость в средствах. Я думаю о той мере изобретательности, фантазии, искренности, способности поставить себя на место зрителя, которые в совокупности могут сделать телевидение собеседником, защитником, быстрым вестником.

Я вспоминаю концерт, сделанный в память Инолы Гургулия, певицы, которую в Грузии знают все, которая сама сочиняла стихи и музыку, сама пела свои песни, не расставалась с гитарой и рано умерла, умерла как-то «беззаботно», не думая о жизненной своей и посмертной славе. Она не оставила записей (всего одна-две пленки), не оставила фотографий (с трудом нашли пять штук, и все использовали в передаче), но ее нежные песни остались, как бы охраняя и продолжая легенду о певице. Примерно час длится концерт в старом храме, без зрителей, без аплодисментов. Здесь только те, кто исполняет песни и стихи. Если бы передача тем и закончилась, ограничившись грустным концертом, она осталась бы в памяти своей интонацией, интимностью и умелой режиссурой, соизмеряющей цели передачи с ее формой. Но вдруг в зале появились зрители: самые близкие люди Инолы Гургулия, родственники, друзья. И концерт возобновился: стихи, песня, которую поет она сама, невидимая. «Все знали, что идут на вечер памяти Инолы Гургулия, — объясняет режиссер Дали Гургенидзе, — но, наверное, не представляли, что все начнется сразу же, без вступления, без слов. Откровенно говоря, мы сами не ожидали такой сильной реакции. Как только пустили пленку с записью Инолы, я сказала оператору — покажи лица из первого ряда. Но когда увидела слезы на глазах, решила — хватит, не нужно их больше показывать, пора выключать камеры, пусть останутся наедине с нею».

И они остались, и концерт — уже для них только — продолжался, а передача закончилась. Ее авторы не стали делать успокаивающий, нивелирующий дубль, не побоялись шероховатостей звука, открытости эмоций, поняв, что для этой передачи важно настроение и негодно все, что могло бы его сбить.

Никто не произносил при мне программных речей. Включили монитор: смотрите, оценивайте, решайте сами. Как будто самим режиссерам и редакторам был интересен взгляд со стороны. Теперь же, соединив все увиденное, я могу указать на одно свойство, которое — пусть не всегда одинаково ярко — присутствует в большинстве передач: как хороший футболист бьет из любого положения в дальний от вратаря угол, так из любого материала на грузинском телевидении хотят сделать **зрелище**.

Кинорежиссер может прийти на сеанс в кинотеатр и узнать, какова реакция зала на его картину. Телевизионный режиссер лишен этой счастливой возможности. Его зал — одновременный, огромный и безличный. Ни слова не долетает из него в момент просмотра, и лиц не видно. Но безличный зритель не безразличен тем, кто делает телевидение в Грузии. Принцип единый. Нас **должны** смотреть.

Быть может, мы сейчас могли бы говорить не только о «грузинской школе» в кино, но и на телевидении — в публицистике, в развлекательных программах, в передачах со зрителями, — если бы не одно прискорбное обстоятельство. Говорить можем, а вот предъявить доказательства — не всегда.

Здесь — время и место для небольшого отступления.

В двадцатом веке, который так тщательно заботится о своем самосохранении в истории, складывая огромные архивы, воспевая документ, есть область культуры, которая часто — и не по своей вине, не по собственному желанию — уничтожает себя. Это телевидение. Причина в низменном — в дефиците видеопленки, в плохом ее качестве. В Тбилиси мне рассказывали о некоторых передачах «на пальцах», потому что остались они только в воспоминаниях создателей. Особого веселья на их лицах я не видела. Белинский не однажды посмотрел «Гамлета» с Мочаловым, чтобы описать его игру, оставив таким образом ее для потомков. Других средств век девятнадцатый не знал. А эфемерность телевизионных созданий как-то не вяжется с той мощной технологией, которая их порождает: она-то как раз призвана сохранять; она может уже в самый момент исполнения записать и тиражировать. И она же — убивает. Так культура «стирает» сама себя, не оставляя никаких следов и никаких надежд на то, что потомки случайно отыщут кусок пленки в каком-нибудь архивном завале, как теперь могут найти древнюю рукопись. Пленка недолговечнее бумаги! Остались аллеи, лужайки, пруды Павловска, на долгую жизнь которых никак не рассчитывал их создатель — Пьетро-Готтардо Гонзага. Но осенью 1982 года нельзя было увидеть удачную, по общему мнению, в том же году сделанную передачу о Марине Неелова или программу Ирмы Сохадзе, которую составила и вела она сама — певица и одновременно редактор телевидения. И другие, и другие. Больная тема и ничуть не менее важная, чем дефицит и плохое качество сковородок или детских колготок.

Похвальное слово передачам тбилисского телевидения может вызвать у читателя веру в их эстетические качества. Но что для телевидения «штучные» произведения, пусть прекрасные, если в программе встречаются они редко и неритмично! Так, возьмем программу грузинского телевидения, которую, как, впрочем, и любую, можно читать как захватывающее душу повествование, но обязательно — с карандашом, потому что чтение это без арифметики смысла не имеет. Вот что говорит нам телепрограмма: 1. Насыщенность ее волей-неволей заставляет соблюдать ритм, не сбиваться, судорожно перепрыгивая через месяцы. 2. Если рубрика должна появиться два раза в месяц, сбоя не будет. 3. Практически ни одного «бесхозного» кинофильма — каждый в рубрике, а рубрика — по графику. 4. «Гвоздевые» передачи не делят вечера на праздники и будни: каждый вечер — это время для отдыха. Даже понедельник, даже среда, потому что развлечение — это хлеб, а не пирожное. Его не надо, как непослушному ребенку, заслуживать примерным поведением.

Изученный, повернутый на пользу телевидения спрос неумолимо заставляет работать профессионально, ритмично, оперативно. Без упования на то, что к «ящику», мол, все привыкли, что ни покажешь, то и будут смотреть.

Можно, без сомнения, одновременно «вести за собой» и «идти на поводу» — изучать спектр вкусов и одновременно воспитывать его.

Хотелось бы сказать высоким штилем: «грузинский эксперимент». Но это не эксперимент — это отношение к телевидению, это нормальная, ежедневная работа, в спешке и суете которой не забывается главное: чтобы зритель сидел лицом к телевизору.

Коллаж И. НАРИЖНОГО